

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

У ГРАНИЦЫ МРАКА

Иван Ломакин

Василий Головачев
У границы мрака

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

У границы мрака / В. В. Головачев — «Эксмо», 2019 — (Иван Ломакин)

Исследования дальнего космоса продолжаются. Экипаж космолета «Дерзкий» готов отправиться к границам Вселенной, за которыми — неизвестность и новые открытия. Но прежде необходимо защитить Землю и Солнечную систему от нападения Курта Шнайдера, подчинившего себе «мурекс» — обладающий невероятной мощностью и оружием объект обитателей планеты Нимфа. Судьба снова ставит лейтенанта Ивана Ломакина перед жизненным выбором: рискнуть собой в надежде выиграть или пойти проторенным путем, остаться в живых, но заплатить за это душой и совестью. Дорога к границам мрака начинается.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Головачев В. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Шаг 1	5
Шаг 2	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Василий Головачёв

У границы мрака

Шаг 1

Древние базы

1

Он сидел в оцепенении перед виомом, сообщавшим новости планеты, до тех пор, пока из глубины изображения очередной рекламы мужского средства для усиления потенции не всплыл транспарант с мигающей надписью: «Уровень вашего внимания снизился».

Вересов очнулся и выключил канал «24».

Система нейромониторинга мозговых волн, оценившая его текущее психическое состояние, не зря напомнила ему о снижении концентрации. Думал полковник Корпуса космических сил специального назначения о другом.

Возвращение крейсера «Дерзкий» из похода к планете-капле Нимфа получилось неожиданно триумфальным. Солнечную систему он покидал с намерением исследовать ансамбль из семи нейтронных звёзд в созвездии Андромеды, а вернулся из глубин созвездия Персея, где и столкнулся с уцелевшим «космолётом судного дня» цивилизации Нимфы.

После похода «Дерзкого» в созвездие Ориона, к планете, полностью состоящей из воды, человек впервые узнал о существовании полумиллиарда лет назад целой системы «машин судного дня», представлявших собой космические командные пункты цивилизаций. Такие пункты впоследствии и стали называть Вестниками Апокалипсиса.

Крейсер встретили на подходе к Луне пограничные корабли России и два иностранных фрегата: американский «Чайлд» и японский «Сансиро». Произвели салют в честь возвращения героев-первопроходцев, сопровождали до космодрома Коперник на Луне.

Чиновники Межкосмоса, как полагается, подняли шум, так как никто из них не знал, какую миссию выполнял российский корабль вдали от Солнца. Раздавались даже угрозы наложить санкции на Россию «за неинформирование ООН о целях полёта». Но все вопли стихли, когда руководители Роскосмоса собрали корреспондентов большинства мировых СМИ и устроили брифинг, на котором сообщили о находке ещё одного Вестника.

Разумеется, о случившемся с Куртом Шнайдером и захвате им Вестника были оповещены все спецслужбы мира, которые немедленно включились в поиск древних военных баз в Солнечной системе, слухи о которых стали достоянием общественности: «неожиданно» из Роскосмоса произошла утечка информации. И новость о наличии военных артефактов в Системе стала дополнительной причиной дестабилизации и без того беспокойной политической обстановки на Земле, то и дело взрываемой конфликтами между отрядами радикальных исламистов, частными военными компаниями, властолюбивыми нациями и развивающимися странами.

Доклады капитана Бугрова и самого Вересова внимательно изучили в Службе космической безопасности России и на всех уровнях властной вертикали страны. Общественные деятели, особенно из бессмертного лагеря неолибералов, заверещали о «преступном сговоре спецслужб для получения Кремлём одностороннего военного преимущества и о планах завоевания Солнечной системы».

Кремль же дистанцировался от политических разборок и возложил всю ответственность за предотвращение грядущих катастроф на Службу космической безопасности.

Спустя два дня после возвращения «Дерзкого» Вересов был снова вызван к гендиректору СКБ для детального обсуждения сложившейся ситуации.

Обычно совещания подобного рода происходили в режиме онлайн-общения: с появлением квантовых компьютеров и блокчейн-технологий криптозащита компьютерных сетей достигла беспрецедентно качественного уровня, и за сохранение тайны переговоров можно было не беспокоиться. Но директор СКБ Строганов вызвал Вересова не на визуальную, а на физическую встречу. Естественно, Вересов прибыл в Плесецк, где располагался Космодом, как называли штаб СКБ сотрудники Центра экстремального оперирования в космосе, тотчас же, как только получил распоряжение полковника Головина, руководителя Коскора¹.

Космодом находился в одном километре от космодрома Плесецк и напоминал шестилистник – красивой формы здание в форме ветки дерева с листьями-корпусами, соединёнными жилами коридоров. Коридоры в Космодоме были широкими и светлыми, снабжёнными бегущими дорожками. Но Вересов бывал здесь часто, так как департамент Коскора располагался в одном из зданий-модулей, и по сторонам не смотрел. Его занимала одна мысль: что собирается делать Служба безопасности в связи с создавшимся положением.

Солнечная система, которую начало обживать человечество после получения ВСП-технологий и почти свободного доступа в космос, гудела, и уже было известно, что на «тропу охоты» за военными артефактами выступили многие самостоятельные «охотники», в основном из числа ЧВК – частных военных компаний. Хотя с момента вброса в соцсети известия о базах древних обитателей планет системы прошло всего два дня.

В помещении первого комиссариата Вересова встретил виф-секретарь и провёл в рабочий модуль директора.

К удивлению полковника, здесь уже собрались высокопоставленные сотрудники Службы, среди которых находились и Головин с Бугровым, капитаном «Дерзкого». Нового гостя пригласили сесть, Вересов козырнул и занял место за столом переговоров рядом с начальником Коскора.

Головин в ответ на его вопросительный взгляд только многозначительно кивнул.

Искрящиеся янтарём стены кабинета директора на этот раз не работали как видеосистемы, что придавало совещанию обстановку ресторанной встречи.

– Начнём, – сказал Строганов, седовласый великан с голубыми глазами ясновидца. – Ситуация всем известна, нет нужды повторяться. Виталий Семёнович, насколько я понял, вы вернулись на Землю без вашего оператора.

– Он остался внутри Вестника. – Бугров покосился на Вересова. – Вместе с ксенопсихологом спецгруппы Елизаветой Клод-Сантуш.

Строганов перевёл взгляд на Вересова.

Тот кивнул.

– Так точно.

– Цель этого шага?

Вересов покосился на неподвижное каменное лицо капитана Бугрова.

Бугров не пошевелился.

– Мы сочли необходимым оставить Вестника под контролем. Ломакин добился взаимопонимания с ним, что позволяет надеяться на успех сотрудничества.

– Но Вестник до сих пор не появился в Системе.

– Появится, – с железной уверенностью проговорил Бугров.

– Почему вы так уверены?

Бугров остался невозмутим.

¹ Космической контрразведки.

– Потому что Ломакин не раз проверен в деле. Только он смог уговорить Вестника прийти нам на помощь возле Нимфы.

– Насколько мне известно, это именно из-за него началась катавасия с Куртом Шнайдером.

– Катавасия началась по моей вине, – сказал Вересов. – Я не проверил психотип Шнайдера, рекомендованного в группу в качестве классного специалиста-оператора.

В глазах Строганова всплыло сомнение, но продолжать выяснять степень вины присутствующих он не стал.

– Итак, товарищи генералы и офицеры, у нас три проблемы: одна связана с психом в космосе, угнавшим древний космолёт, вторая – с Вестником Толкина, канувшим в неизвестность, третья – с поиском военных баз древних жителей планет Солнечной системы.

– Вернётся Вестник и поможет нам их отыскать, – сказал Вересов.

– Вы уверены?

Вересов помолчал, вспоминая расставание с Иваном Ломакиным и Елизаветой, остающимися на борту «вселеннолёта». Молодой оператор «Дерзкого» был уверен в своих силах, присутствие же любимой женщины подогревало его амбиции, и можно было надеяться, что он справится со свалившейся на него нагрузкой.

– Уверен!

– Добро, полковник. Но и вам придётся разделить с ним ответственность, принимая во внимание риск неблагоприятного исхода миссии поисков. Первыми базу древних разумных могут отыскать и террористы. За случившееся со Шнайдером вас надо было уволить из рядов Коскора и отдать под трибунал.

– Я готов, – вытянулся Вересов.

– Но за вас заступился Василий Дементьевич, и мы решили доверить вам контакты с Вестником и поиск древних баз.

– Я готов, – повторил Вересов бесстрастно, встретив повеселевший взгляд Головина.

– Теперь собственно о базах. Возникли они, по словам Ломакина, около ста пятидесяти миллионов лет назад. Есть уверенность, что они сохранились? Имеются хоть какие-то намёки на координаты?

– Во времена той войны разумная цивилизация существовала не на Земле, а на Марсе. Земля являлась для марсиан всего лишь колонией, своеобразной лабораторией, где они возились с выращиванием разумных динозавров.

– Это со слов Ломакина. Ортодоксальная земная наука отрекивается от «бредовых» инвектив.

– Я верю Ломакину.

– Я тоже, – поддержал Вересова Бугров. – Иван сообщает то, что узнал от Вестника, не подключая своё воображение. Его сведения абсолютно надёжны.

– Поэтому я считаю, – продолжал Вересов, – что искать базы надо в первую очередь на Марсе. Во вторую – на Луне.

– Почему на Луне? Она уже исследована вдоль и поперёк. Да, следы разумной деятельности там обнаружены, но баз стопятидесятиmillionного возраста нет.

– Древние марсиане вполне могли использовать Луну в качестве запасного форпоста. Но удар был нанесён с такой силой, что от цивилизации не осталось ни следа. Исчезла даже атмосфера Марса. И лунная база осталась невостребованной.

Строганов посмотрел на Савицкого.

– Даниил Эрнестович, не можем мы незаметно подвесить над Марсом нейтринные сканеры?

Директор департамента безопасности коммуникаций пожал широкими плечами.

– Особых проблем не вижу, но потребуется время.

- Займитесь этим вопросом немедленно.
- Есть.

Строганов глянул на Головина.

– Василий Дементьевич, поставьте на уши всю вашу разведку. Надо первыми добраться до баз, если они уцелели, во избежание грядущих конфликтов. В строжайшей тайне! Противников у России в Межкосмосе и в ООН предостаточно. Уже раздаются голоса, что мы стремимся завладеть Солнечной системой в обход протоколов ООН.

– Комар носа не подточит, – пообещал Головин.

– Виталий Семёнович, – перевёл взгляд директор СКБ на Бугрова, – вам тоже придётся принять участие в поисках баз.

– Экипажу нужен отдых, – флегматично сказал Бугров.

– Придётся потерпеть. В крайнем случае заменим наиболее уставших членов экипажа.

– Исключено!

Строганов нахмурился.

– Обстановка такова, капитан...

– Я имею в виду, что мои парни потерпят. Шнайдеров среди них нет. Поработаем.

Директор СКБ пожевал губами, высвечивая лицо капитана «Дерзкого» глазами читающего мысли экстрасенса.

– Я на вас надеюсь, – перевёл взгляд на Головина. – Жду от вас, Василий Дементьевич, плана действий. Ситуация тревожнейшая, главнокомандующий требует подробного описания контакта с Вестниками и разработки стратегии нашего поведения.

– Будет готово к концу дня.

– В таком случае давайте обсудим ещё одну проблему: как вытащить сведения из базы данных, сброшенных Ломакину Вестником. Похоже, мы недооценили важность материала...

Ещё при расставании в Космодоме полковник сказал:

– Знаешь, почему генерал и кадровик согласились с твоей кандидатурой?

– Нет, – признался Вересов.

– Только потому, что они надеются в случае неудачи свалить все шишки на тебя. Ну, и на меня, естественно.

– Строганов вроде не карьерист.

– Зато о Никаноре (речь зашла о директоре СКБ по персоналу Вуличе) ходят разные слухи. Так что отработай по максимуму.

– Постараюсь не попасть под шишки, – усмехнулся Вересов.

– Предупреди группу.

Вересов коротко кивнул.

– До встречи. – Голова начальника Коскора растаяла.

Вересов набрал другой номер.

Перед ним сформировалось лицо астрофизика и ксенолога экспедиции к Нимфе Ядогавы Хироси.

– Ядогава-сан, через час вылетаем.

– Я уже на космодроме, Даль-сан.

– Скоро буду.

Ядогава исчез.

После совещания в Космодоме Головин увёл Вересова к себе, и они обсудили состав его новой оперативной группы. В неё вошли пять человек, в том числе полковник специальных космических сил Хироси. Остальных подбирал сам Вересов и мог быть спокоен за свой выбор. Все парни являлись классными оперативниками, мастерами спецопераций.

Вересов связался с капитаном Мишиным, убедился, что группа под его командованием готовится к вылету, и вызвал флайт.

2

Звезда приблизилась – красный карлик с температурой хромосферы в три тысячи пятьсот градусов, в два с половиной раза меньше Солнца по размерам, – увитая тусклой паутиной протуберанцев. На фоне её пылающего диска стала видна планета, окутанная сеточкой сияния – защитными полями, укрывающими её разумных обитателей от космических катаклизмов. Обитатели надеялись, что силовой щит отразит нападение любого агрессора.

Но агрессор, с борта которого и велась передача, не собирался нападать на планету. Его целью была звезда.

Слева и справа от наблюдателей, сидевших в кабине неведомого аппарата, вынеслись из-за их спин призрачные дымные шлейфы и устремились к звезде. Какие-то капельки свечения, собравшиеся в светлячковые стаи, метнулись им наперерез, но сгорели в мгновение ока, превратившись в облачка крошечных, огненных, тающих факелов.

Шлейфы, становясь всё тоньше, достигли звезды, вонзились в её экватор двумя шпагами. В местах попаданий загорелись пронзительные синие кольца света, начав увеличиваться в размерах, словно по поверхности звезды побежали гигантские волны, но не воды, а плазмы. А ещё через несколько мгновений звезда взорвалась!

Сначала она растрескалась, как трескается корка на лавовом поле, образовав сеть более ярких трещин. Затем по мере распространения ударной волны из трещин начали вырываться фонтаны сияющей плазмы и световые вуали. И, наконец, она начала разлетаться во все стороны огненными клочьями и дымными струями. Причём процесс шёл с виду неспешно, так как, несмотря на малость, диаметр светила достигал четырёхсот тысяч километров, а скорость разлёта плазмы и вовсе не превышала десятка тысяч километров в секунду.

Одна из плазменных струй достигла шарика планеты, накрытой сеточкой молний, и та скрылась в багровом огненном вихре...

Перед глазами сгустилась мутная сизая пелена, Иван вышел из транса.

Он лежал в саркофаге толкиновского «вселеннолёта», способном уместить сразу трёх космолётчиков (создатели Вестника были пятиметровыми гигантами). В зале управления, приспособленном теперь землянами под жилой отсек, царила земная сила тяжести, воздух почти не отличался от земного, поэтому можно было не запаковываться в защитные спецкостюмы типа «кокосов», хотя запахи здесь витали другие, запахи чужой материальности и чужих энергий. Иван в настоящий момент находился в стандартном унике космолётчика.

Елизавета, следившая за ним с высоты выращенного Вестником стульчика, тоже была в унике. Заметив движение оператора, она живо склонилась над краем чаши саркофага:

– Видел?!

Иван сел, снял с головы шлем, удалил с рук и лодыжек присоски биосчитывателей.

– Сколько я отсутствовал?

– Почти час, я уже начала беспокоиться.

– Всё в порядке, Копун не даст мне утонуть в моём же собственном информационном болоте.

Копуном они стали называть толкиновского Вестника по двум причинам. Во-первых, потому, что имя являлось сокращением слов «командный пункт», функции которого Вестник и исполнял. Во-вторых, Вестник начал помогать Ивану копаться в памяти и вытаскивать в сознание файлы из базы данных, которую он когда-то сбросил землянину в подсознание.

Сам Вестник отнёсся к имени индифферентно. Ему было безразлично, как его называют люди.

Иван вцепился в края саркофага, рывком выбрался наружу, спрыгнул на пол, кидая взгляд на ряд других таких же гигантских ложементов, полукругом расположенных вокруг «ствола дерева с раскидистой кроной», каким представлялся узел контроля «вселенолёта». Все они были закрыты прозрачными пузырями крышек. Иван пользовался только тем ложементом, который оставался открытым ещё с момента проникновения в зал Филиппа Каледина, оператора исследовательской группы, рискнувшего первым пробраться в веретено «вселенолёта» во время похода «Дерзкого» к планете-«бублику».

Конечно, он мог и напрямую общаться с Вестником-Копуном, владеющим технологией мысленного съёма, но Елизавета, переживающая за психическое состояние спутника, рассудила, что контакт с Копуном через специальный модуль, созданный ещё конструкторами Вестника, будет безопаснее, и Ломакин, поставивший своей целью прочесть всё, что отложилось у него в глубокой стратегической памяти, не стал спорить. Беседовать с Копуном через терминал «вселенолёта» действительно было удобнее.

– Что видел? – жадно спросила женщина, спрыгнув со своего «судейского стульчика» на пол и обнимая Ивана.

– Расскажу. – Иван поцеловал её (теперь он мог это делать, не стесняясь окружающих, так как на борту «вселенолёта» они остались вдвоём) и направился к куполу бытового блока «Берлога», развёрнутого у стены зала, рядом с контейнерами с водой и запасами продовольствия. Чуть подальше располагались беспилотники, катер «голем» и несколько сервис-формов² разного назначения.

Всю эту технику и блок обслуживания оставшихся с Вестником космолётчиков настоял взять на борт «вселенолёта» Бугров, хотя Вестник мог в принципе создать для пассажиров любые условия для проживания. Однако Вересов, принимавший участие в обсуждении плана действий после битвы Вестников, тоже поддержал точку зрения капитана, и всё необходимое для длительного нахождения людей внутри инопланетного аппарата было доставлено с «Дерзкого» и приведено в рабочее состояние.

В бытовом блоке, представлявшем собой трёхкомнатное жилище с двумя спальнями, снабжённом автономным энергопитанием, компьютером, генераторами воздуха, синтезаторами, кухонным комбайном и помещением для отдыха, пахло берёзовыми листьями и кипреем.

Снова обнялись, замирая в поцелуе.

Вообще-то целоваться можно было везде, во всех помещениях «вселенолёта». Незримое присутствие Копуна можно было не брать в расчёт, так как человеком он не был. Но проявление чувств «на публике» вызывало в душе молодого человека ощущение неловкости, внутренний протест, нежелание показывать свои эмоции посторонним, поэтому он с удовольствием поддавался совершенно детской уверенности в том, что его «никто не видит», только в стенах модуля.

– Кофе? – предложила Елизавета, отодвинувшись и тряхнув водопадом золотых волос.

Он кивнул, любуясь её лицом.

Киб кухни выдал два стаканчика космиано.

Расположились в комнате отдыха, стилизованной под небольшую веранду где-нибудь в средней полосе России, на фоне лесной опушки.

– Рассказывай.

– В нашей родной галактике было разрушено около тысячи звёзд. – Иван расположился на лежаке поудобнее. – В основном красные карлики. Один из них находился недалеко от Солнечной системы, в Козероге. Копун показал мне эту трагедию.

Елизавета поёжилась.

² Форм – функционально ориентированный рабочий механизм.

– Какой же силой обладали древние цивилизации!

Иван кивнул.

– Да уж, чтобы в результате войны уничтожить всю разумную жизнь во Вселенной, надо обладать мощностью богов! Звезду-карлик уничтожили ударом какого-то излучения, возбуждившим ядро, что привело к взрыву звезды и гибели планеты со всеми её жителями.

– Кто уничтожил? Ты их видел?

– Видел только нечто вроде зала с рядами фиолетово-чёрных многогранных глыб. Наверно, владельцы аппарата или звездолёта сидели внутри этих глыб. Так что облика агрессоров не знаю. Но оружие они имели грозное!

– Интересно, смогли они уцелеть сами или тоже были уничтожены кем-то?

– Раз Копун утверждает, что погибли все цивилизации, то и эта была уничтожена. Существует закон: даже самых изворотливых и сильных киллеров мочат ещё более сильные.

– Не могу представить, какой страшной была эта война, если погибли все цивилизации!

– Да, масштабная.

– Не просто масштабная – всеобщая, глобальная! Почему она произошла? Кто её инициировал? Был ли кто-то один, кто видел всю Вселенную и управлял процессом? Или война возникла спонтанно?

– Копун? – поднял голову Иван.

В головах Ивана и Елизаветы «раздался» «мальчишеский» голосок:

«Верно первое предположение: в нашей Вселенной остался «вирус» прежней, из которой она вылупилась тринадцать с лишним миллиардов лет назад в результате так называемого Большого взрыва. Мои создатели называли его Тенью Доразума. И судя по развитию «вируса», он был чрезвычайно агрессивен и беспощаден к другим формам жизни. Именно он и затеял общевселенскую войну».

Иван ошеломлённо взглянул на Елизавету.

– Слышала?!

– Ужасно!

– Это всё, что ты можешь сказать как ксенопсихолог?

– Во-первых, я, как и ты, только что узнала об этом. Во-вторых, наши теоретики даже не рассматривали такой вариант.

– С ума сойти! Копун, ты не пошутил? Зачем этому «вирусу»... э-э, Тени Доразума, затевать войну такого масштаба?

«Я не умею шутить. И ответа на второй вопрос у меня нет. Помню лишь разговоры создателей, из которых можно сделать вывод, что Тень Доразума не устраивала деятельность самых крутых цивилизаций, направленная на замедление расширения Вселенной. Процесс каким-то образом сильно отражался на росте энтропии, и Тень не могла достичь своих целей».

– Каких?

«Не ведаю, извините».

– О чём ещё говорили твои создатели?

«Кто-то из них заметил, что Доразум занимался играми с Вечностью и Бесконечностью, поиском невероятных состояний континуума, но это всё, что я помню».

– Вот над чем надо поразмыслить нашим теоретикам, – сказал Иван Елизавете. – Классная идея!

– Интересная, – согласилась женщина.

Иван включил систему визуального контроля «Берлоги».

Стал виден зал поста управления «вселенолётom».

– Копун, дай обзор.

Зал погрузился в темноту. Затем стены его растаяли, и вокруг распахнулся безбрежный космический простор, усеянный мириадами звёзд. Стала видна близкая оранжевая звезда и планета-«бублик», потерявшая свою «ось».

Исследовательская экспедиция Межкосмоса по-прежнему работала на её поверхности, и растерянные исчезновением Вестника руководители экспедиции раз за разом слали на Землю депеши о «похищении объекта исследований российскими космонавтами». При желании можно было послушать их переговоры. Но такого желания у гостей Копуна не было. Они и к Толкину полетели лишь по его просьбе навестить базу. На вопрос Ивана: «Зачем это ему надо?» – «мальчишка»-Вестник ответил: запрячу подальше оставшиеся на планете боевые комплексы создателей, чтобы люди не добрались до них.

Осуществил свою задумку Вестник или нет, осталось неизвестным. «Вселенолёт» лишь один раз облетел планету-тор, не посылая к планете беспилотные устройства, но спрашивать Копуна о выполнении его плана Иван не стал. Если Вестник намеревался что-то сделать, он делал. Обманывать кого бы то ни было его не научили.

– Ну, что, теперь домой? – спросил Иван, обращаясь к ставшей задумчивой спутнице. Елизавета кивнула.

– Домой. Хочу покоя, тишины и настоящего солнечного света.

– Копун? Задание понятно?

«Так точно, – ответил Вестник. – Я готов».

– Как договаривались: появимся в Системе в режиме «инкогнито», чтобы нас никто не заметил.

«Будет выполнено. Прошу прилечь».

Иван и Елизавета послушно заняли лежаки.

Первое время в моменты прыжков «вселенолёта» через космос они занимали места в «големах», потом перестали. Система защиты Вестника не уступала таковой у земных машин и работала без сбоев.

– Поехали!

На головы космолётчиков упала вуаль тьмы...

3

Человечество вскипело.

Так Иван оценил ситуацию в Солнечной системе, послушав переговоры всех служб и просмотрев видеопередачи по многим каналам ТВ и Интернета, после того как спустя три дня после прощания с экипажем «Дерзкого» «вселенолёт» домчался до Солнца и, никем не видимый, замер в сотне тысяч километров от Земли, подальше от интенсивно используемых космических трасс.

Суэта была вполне понятной. «Дерзкий» привёз известие о столкновении с «машинной судного дня» – агрессивным последышем чужой цивилизации, некогда обжившей планету-каплю в созвездии Персея, да ещё к тому же управляемым сошедшим с ума космолётчиком Шнайдером, а также об угрозе последнего привести в действие древние военные базы, оставшиеся в Солнечной системе со времён Большой Межгалактической войны, и все, кому не лень, кинулись искать эти самые базы.

Естественно, отреагировали на известие все главы государств, политики, правозащитники и директора спецслужб, что усилило активность человечества в космосе в несколько раз. Ко всем планетам и их спутникам ринулись самостоятельные экспедиции, не считая спецотрядов многих разведок, и теперь над планетами, в том числе и над Землёй, плавали беспилотные станции всех размеров и космические аппараты, зачастую игнорирующие ППК – правила поведения в космосе.

Случались и столкновения, особенно если на один и тот же объект или планетоид нацеливались группы, принадлежащие частным военным компаниям. Доходило и до стрельбы. Но, судя по оживлённым переговорам охотников за оружием, никому из них пока ещё не удалось найти базу древней расы, некогда населявшей Солнечную систему.

Возникла проблема. Иван хотел сразу доложить о своём прибытии в Коскор. Елизавета предложила повременить с докладом, понаблюдать за космосом и даже самим сначала поискать артефакты, если таковые в Системе сохранились. Копун молча ждал решения «племянника» создателей. Когда Иван спросил его, что бы он посоветовал, Вестник ответил:

«Я готов выполнить последнюю вашу просьбу. После этого я улечу».

– Куда? – удивился Иван.

«По некоторым сохранившимся в моей памяти фрагментам послевоенного периода я сделал вывод, что мои создатели смогли переселиться. Не все, только одна из технически оснащённых групп. Попробую их разыскать».

– Разве переселение могло помочь им уцелеть? Ведь война охватила всю Вселенную!

«Не всю, один домен, её видимую часть, ограниченную космологическим горизонтом».

– Хочешь сказать – радиусом в тринадцать и семь десятых миллиарда световых лет?

«Сто пятьдесят миллионов лет назад радиус горизонта был на два миллиарда световых лет меньше. Но это не имеет значения».

– То есть ты намереваешься искать своих создателей за этим пределом?

«Сначала я обследую ядро галактики, перед началом войны отряды родичей моих создателей отправились в балдж искать союзников».

– Как интересно! – воскликнула Елизавета. Покраснела под взглядом Ивана. – Я бы с удовольствием полетела с тобой.

– Подожди, – хмуро сказал Иван. – Мы ещё не решили проблему с базами и возвращением Шнайдера. Что, если он уже в Солнечной системе, нашёл базы и готовится их активировать?

«Его ещё нет в Солнечной системе, – меланхолически возразил Копун. – Я бы почувствовал».

– Но ты согласен, что его появление может спровоцировать внутрисолнечную войну? Его нужно остановить!

«Это ваши проблемы».

– Спасибо! – рассердился Иван. – Я думал, мы друзья.

«Вы всё время приписываете мне человеческие эмоции и психологию. Я не человек и создан не людьми».

– Но они были нашими предками!

«Относительно».

– Хорошо, не будем спорить. Ты нам поможешь?

«Я уже сказал – выполню вашу просьбу и покину ваш галактический район».

– В таком случае действуем так: ищем базы, нейтрализуем, если это возможно, и сообщаем о находке нашим спецслужбам, чтобы они взяли базы под охрану. Это единственная гарантия того, что древнее оружие не попадёт в руки негодяям и больным на голову политикам и не будет использовано. Затем ждём Шнайдера на «мурексе» и предлагаем ему мир и дружбу.

«Едва ли эта человеческая особь последует вашим советам. Она точно потомок агрессивных тварей с других планет, не пользующихся никакой этикой и моралью. В истории моих создателей время от времени рождались такие больные существа, и их лечили принудительно».

– Тогда мы его уничтожим!

«Если сможете».

– Разве ты нам не поможешь?

«Это не моя война».

- Ладно, разберёмся и без тебя.
- Не надо никого уничтожать, – тихо проговорила Елизавета.
- Иван спохватился.
- Ох, Лизонька, извини, что узурпировал власть. Конечно, твоё мнение тоже очень важно. Слушаю тебя.
- С Куртом можно договориться.
- Не уверен, но мы сделаем всё, чтобы не допустить новой войны. А потом – хоть в ядро галактики, хоть на край света! Согласна?
- Елизавета улыбнулась, пряча сомнения в глубины души.

4

Чиновники Межкосмоса выставили России претензии по поводу несогласованности действий Роскосмоса с международными организациями в отношении исследования экзотических объектов за пределами Солнечной системы, особенно в части похода российского крейсера к водной планете. Пообещали применить санкции. И Головину как руководителю Коскора вместе с ответственными функционерами СКБ пришлось заняться составлением юридически выверенных и предельно вежливых отписок в адрес тех самых международных организаций, в первую очередь НЕСПАСЕ – Новой европейской парламентской Ассамблеи, занимающихся космосом.

Таким образом Вересов оказался предоставленным самому себе, что его не беспокоило. Он и так всегда работал самостоятельно, не особенно опираясь на помощь начальства. А задача у него в данный момент была одна, сверхважная – вычислить координаты древних военных сооружений в Системе и взять их под контроль.

Одиннадцатого января он и его группа ступили на борт крейсера «Дерзкий», перебазировавшегося с космодрома Коперник на Луне на космодром Плесецк в России.

Капитан Бугров встретил их лично в переход-хоботе от здания космопорта, проводил на борт и уединился с Вересовым в своей каюте. Он получил приказ поступить под начало полковника Коскора и выполнять все его распоряжения. Естественно, он догадывался, чем придётся заниматься экипажу, но не знал деталей, и Вересов коротко объяснил ему суть дела:

– Начнём искать базы сначала на Марсе, потом на Луне и будем ждать возвращения Ломакина.

– Так как он отсутствует, – сказал Бугров, – я взял в качестве оператора ТС одного из своих знакомых.

– Кого именно?

– Сына Тита Корепанова, моего друга детства, зовут Флавием. Двадцать три года, начинал карьеру кадетом, сейчас лейтенант, отличные показатели, спортсмен, чемпион Академии по киберспорту. – Бугров улыбнулся, изломав морщинами гранитную плиту лица. – Как и вы.

Вересов кивнул.

– Неплохая рекомендация. Вам доверяю.

– Парень – кандидат в команду косморейнджеров. Приглядитесь к нему, у него неплохие перспективы.

– Хорошо, посмотрю. Хотя Ломакина он не заменит.

– Иван другого склада человек. К тому же интрасенс.

– Ладно, проверим вашего Флавия в деле. Будете знакомиться с группой?

– Мне достаточно того, что вы отбирали оперативников лично. Рад, что в группу вошёл Ядогава.

– Без него никак. Да и Мишина вы знаете. Остальные – лучшие в своём деле. Теперь о порядке работы. Грузим на борт две жилые станции «Аргус». Выходим в космос якобы для про-

ведения плановых профилактических работ, подвешиваем станции над Марсом. В них будут работать мои парни, мониторить связь и сканировать поверхность планеты с помощью нейтринных сканеров «Третий глаз». Ещё один сканер будет выведен к Меркурию.

– Надо проверить астероиды кольца между Марсом и Юпитером. Не все они обследованы досконально.

– Разумеется, будут обследованы и они, для этого технари запустят беспилотники. Но это уже их забота.

– Наша задача?

– Отслеживать маршруты кораблей ЧВК. Для этого на наш кванк будут поступать данные всех мониторинговых систем разведки и космоконтроля. Любая активность конкурентов должна быть замечена и проверена. Поэтому будем сидеть «на ушах» и реагировать мгновенно.

– Экипаж готов.

– Не сомневаюсь. С Ломакиным нет связи?

Бугров мигнул.

– Мы договаривались, что он будет сообщать о себе, – в голосе капитана прорезалась нотка досады. – Искать его, бросая в космос позывные, бессмысленно.

Вересов понял чувства собеседника. Несмотря на всё своё природное хладнокровие, Бугров переживал и ответственности за судьбу одного из членов экипажа с себя не снимал.

– Прошу прощения, Виталий Семёнович. Как вы думаете, почему он молчит так долго? Мы обговаривали также, что Вестник прилетит вслед за нами. Что случилось? Почему он задерживается? Сработала какая-то программа, и Вестник перестал слушаться? Что ни говори, а он всё-таки машина.

– Не знаю, – одним словом ответил капитан Бугров на все вопросы сразу. – Уверен, что Иван вернётся.

Через два часа после этого разговора «Дерзкий» стартовал, провожаемый взглядами наблюдателей за Приземельем всех существующих служб, и направился к Марсу.

Последующие несколько часов команда Вересова возилась с запуском станций, оборудованных сканерами, и контролем функционирования их оборудования, каскад за каскадом подключала системы контроля.

Подошли к Марсу на расстояние в десять тысяч километров.

К началу двадцать второго века эта планета, колонизацию которой описывали десятки раз, а заселять начали лишь в восьмидесятых годах двадцать первого столетия, перестала волновать не только обывателей, мечтавших почти два столетия встретиться с марсианами, но и умы учёных. Жизни на ней, по большому счёту, не было, если не считать бактерий, обживших пустоты в приповерхностном слое Марса. Да, следы разумной деятельности были найдены, но они оказались далеко не такими впечатляющими, какими их представляли уфологи и писатели-фантасты. К тому же в середине века была открыта жизнь на трёх больших спутниках газовых гигантов Солнечной системы: Юпитера, Сатурна и Нептуна. Спутниками этими были Европа, Энцелад и Тритон, а жизнь на них появилась в подлёдных океанах, подогреваемых горячими ядрами планеток.

В связи с этим интерес к Марсу поутих, но его экзотическая природа и вероятные скрытые «клады» манили многих людей, и он постепенно заселялся. К моменту появления над ним «Дерзкого» на поверхности и в пещерах Марса уже было возведено около тысячи посёлков, вмещавших более одного миллиона жителей. Большинство из них группировалось в низинах на экваторе планеты и на дне больших кратеров. Но и в горных районах Марса, в глубинах пещер и обвалившихся лавовых куполов тоже жили марсопроходцы, среди которых было немало искателей месторождений золота и алмазных трубок. Плюс чёрные археологи, охотники за сокровищами древней марсианской цивилизации. Плюс секретные базы частных военных компаний, ведущих свои поиски артефактов в надежде добраться до древнего оружия и

продать какому-нибудь новому «исламскому государству» на Земле или в космосе либо предложить свои услуги. Именно они первыми и зашевелились в Солнечной системе после утечки информации из Межкосмоса о схронах с оружием, оставшихся от древних обитателей галактики.

По планетам бросились рыскать отряды охотников, использующих современные методы локации и компьютерное моделирование.

Подключились службы разведки развитых стран, в первую очередь Китая, Индии, Японии и Еврохалифата.

Заработали мощные инструменты наблюдения за пространством системы: радиотелескопы, нейтринные радары и гравилокаторы.

Пространство захлестнула волна обсуждений первых результатов поисков, предупреждений о последствиях, приказов, распоряжений, отчётов о проделанной работе и даже угроз, посылаемых охотниками разных групп друг другу, если их интересы вдруг пересекались.

Но проходил час за часом, истекли сутки, но ни один из отрядов так и не наткнулся на скрытые хранилища военных изделий древних жителей планет Системы.

Не дали результатов и усилия группы Вересова, пользующейся каналами косморазведки России и Союза добрососедских государств. Нейтринные сканеры просветили Марс в определённом порядке, следуя прикидкам экспертов по инопланетной инфраструктуре, но погруженных в глубины пород планеты подозрительных полостей не обнаружили.

– Что ж, будем продолжать поиски, – объявил своим оперативникам Вересов, собрав визар-совещание. – Наберитесь терпения, придётся работать не точечно, а по площадям.

Поскольку Ядогава Хироси не принимал непосредственного участия в сканировании Марса, Вересов беседовал с ним часто, приглашая ксенолога в кают-компанию «Дерзкого». Пригласил и после совещания.

– Давайте побалуемся кофейком, Ядогава-сан, пока позволяют обстоятельства.

– Не возражаю, – согласился японец.

Соорудили по чашке космиано, поставили на стол блюдечко с сыром. Включили обзор, кинув по взгляду на зависший в искрящейся звёздами черноте пространства красноватый шар Марса.

– Ядогава-сан, Солнечная система достаточно хорошо исследована. Беспилотные устройства побывали практически на каждой планете и на каждом спутнике. Следы цивилизации присутствуют, даже на Плутоне найдены остатки каких-то сооружений. Однако никаких баз до сих пор найдено не было. Означает ли это, что базы разрушены или вообще уничтожены?

– По заявлению Вестника...

– Вы верите ему?

Ядогава сделал глоток напитка, взялся за ломтик сыра.

– Он не человек, Даль-сан, он компьютер. Да, сверхмощный, обладающий незаурядным интеллектом, способный исполнять функции командного пункта и обзирать всю Вселенную. Но в отличие от человека, являющегося объективной сущностью, действия которой нельзя свести к реакциям нейронных сетей и биохимическим процессам, он интересобъективная сущность. Едва ли его обучали человеческой хитрости, подлости и способности лгать. Если он утверждает, что в Солнечной системе сохранились военные базы древних разумников, он не обманывает нас.

– Где же они в таком случае?

Ядогава сделал паузу, отхлёбывая кофе.

– Вполне может быть, что базы закамуфлированы под природные объекты: астероиды, ледяные глыбы и небольшие спутники. Но я могу и ошибаться.

– Тогда мы ищем не там. По Марсу прошёлся такой мощный каток древней войны, что не осталось даже атмосферы.

- Решение мониторить Марс принимал не я.
 - Понимаю, я тоже человек приказа, хотя кое в чём и самостоятелен. Что вы предлагаете?
 - В первую очередь надо серьёзнейшим образом обследовать Луну. Потом пояс астероидов между Марсом и Юпитером. В последнюю очередь – пояс Койпера за орбитой Плутона и спутники газовых гигантов. Я это уже предлагал.
 - Для такого масштабного обследования требуются и масштабные средства.
- Ядогава улыбнулся:
- Как говорят ваши соотечественники, Даль-сан: овчинка стоит выделки. Если Шнайдер первым доберётся до кладов, произойдёт катастрофа.
 - До них могут добраться и террористы вместе с войсками ЧВК.
 - У них значительно меньше сил и возможностей, чем у Курта, управляющего нимфанским Вестником. Даже если какие-то удалыцы и наткнутся на базу, вряд ли смогут проникнуть внутрь и активировать оружие.
 - Но такой вариант событий не исключён.
- Ядогава сморщился, развёл руками, едва не расплескав кофе из стаканчика.
- Увы, не исключён.
 - Значит, вы уверены, что на Марсе мы ничего не найдём.
 - Уверен, хотя и не на все сто процентов. Зато я уверен в другом: вернётся Ваня-кун и решит проблему.
 - Мне бы вашу уверенность, – хмыкнул Вересов. – Не понимаю, почему он опаздывает. Стартовали от Нимфы почти одновременно. Неужели Вестник решил прервать общение и занялся своими делами?

Ядогава красноречиво пожал плечами.

Последующие два часа Вересов общался с капитаном Бугровым и командованием Коскора, предлагая им смещение акцентов поисков военных артефактов. Бугров его понял и поддержал. Головин тоже особо не возражал, оценив мнение Ядогавы, хотя и не стал менять план работы.

– Обсужу в конторе, – пообещал он, имея в виду СКБ, – пусть там решают. Наше дело – перехват и драйв.

А ещё через час, к вечеру двенадцатого января, Вересова, собравшегося прикорнуть в своей каюте, срочно вызвал к себе Бугров.

Атмосфера в зале поста управления царила приподнятая, несмотря на осточертевшую всем картину космоса с торчащим в передней полусфере обзора шаром Марса, опутанным светляками космических станций и беспилотных аппаратов. Два светлячка из всего облака светились ярче: это были естественные спутники Марса Фобос и Деймос.

Увидев перед ложементом капитана призрачную голову Ломакина, Вересов сразу всё понял: Вестник прибыл-таки в Солнечную систему, хотя по отсутствию реакции космических служб человечества пришельца никто не заметил. Впрочем, это было неудивительно, «машины судного дня» древних цивилизаций умели становиться невидимыми.

– Иван! – порывисто шагнул Вересов к изображению оператора.

– Я! – заулыбался Ломакин.

– Садитесь, – уступил кресло Бугров, каменное лицо которого впервые в жизни на памяти Вересова разгладилось и подобрело.

Вересов сел, переживая радостный вопль души – дождались!

5

К две тысячи сто восемнадцатому году Луна представляла собой едва ли не «пригород» Земли, поскольку начала заселяться ещё в середине прошлого века. На её поверхности, обра-

щённой к Земле, располагались сотни небольших купольных поселений, два десятка городков, прятаясь в основном внутри крупных кратеров, и несколько сотен технических сооружений, от астрофизических обсерваторий, радио- и гравитационных телескопов, разнообразных лабораторий до военных баз.

Если комплексы наблюдения за космическим пространством и мониторинга земной атмосферы ставились на возвышенностях, то посёлки и в особенности частные владения, наоборот, углублялись в породы Луны. Наиболее секретные прятались в подземных пустотах, которых на земном спутнике хватало с избытком.

Кратер Тимей на видимой стороне Луны, диаметром в тридцать два с лишним километра и глубиной в три тысячи двести метров, прорезал юго-западный вал более крупного кратера Бонд У. Он моложе, поэтому и смог остаться неоплывшим, обнажив часть дна Бонда У. Из космоса хорошо видны его вал, остатки террасовидной структуры и осыпи пород у подножия вала. Видна и извилистая борозда на северном склоне подножия, возникшая в застывшем лавовом поле кратера Бонд У в результате удара астероида, и породившего Тимей.

Семьдесят лет колонизации Луны не изменили её ландшафт в северном полушарии. Ни Тимеем, ни Морем Холода южнее, ни Бондом У на севере люди не заинтересовались. Во всяком случае, их станций в этом районе было немного. Зато уже несколько лет на внешней стороне вала располагалось частное владение земной фирмы «Космогеология», по официальным данным занимавшейся поисками и разработкой полезных ископаемых в космосе. Участок Луны площадью в двадцать пять квадратных километров был огорожен, и доступ к нему охраняли комплексы противокосмической обороны «Икло», а также рота космодесанта ЧВК «Ультрасектор», принадлежащей украинско-американской корпорации «КРАСА».

На самом деле «Космогеология» никакой разработки полезных ископаемых не вела, а прикрывала базу ЧВК, посылавшей отряды боевиков в горячие точки планеты. А поскольку никакими моральными и этическими принципами боевики не руководствовались, слава об ультрасеках баз «КРАСА» разлетелась по всей Солнечной системе, и Межкосмосу и Совбезу ООН неоднократно приходилось искать управу на этих безбашенных уродов.

Но и это оказалось не всей правдой о деятельности «Космогеологии» на Луне.

Когда в Солнечную систему в режиме «инкогнито» прилетел толкиновский Вестник и начал изучать планеты Системы, выяснилось, что одна из древних военных баз действительно пряталась на Луне, как раз в пещерах под кратером Тимей, и на неё ещё два года назад случайно наткнулись строители «Космогеологии».

Разумеется, о находке ни в какие международные институты командование «геологов» сообщать не стало. Началось изучение артефакта, приведшее к многочисленным жертвам личного состава ЧВК. Инопланетная база была защищена, охранялась хитро, с применением автоматов и компьютеров, превосходивших по возможностям современные квант-системы и даже интеллект человека, хотя созданы периметры охраны были сто пятьдесят миллионов лет назад не людьми.

За два года исследователям удалось пройти практически все контуры охранных систем, и теперь они готовились к последнему штурму, добравшись до отсека управления «селенитов», как командиры ЧВК называли строителей древнего сооружения. Хотя строили базу вовсе не жители Луны и даже не земляне, а марсиане. Но этого новые хозяева ЧВК не знали.

Не знал и Вересов, пока не получил известие от Ивана Ломакина, сумевшего сохранить тайну прибытия Вестника от всех спецслужб Солнечной системы. Парень умел прогнозировать развитие событий, умел думать, а главное, смог уговорить Вестника (которого с его подачи теперь все именовали Копун) помочь землянам найти уцелевшие стратегические объекты с оружием марсиан, которых в Системе насчитывалось аж целых семь. Два из них, как и предполагал Ядогава Хироси, прятались на границе пояса Койпера, замаскированные под планетоиды, два – в поясе астероидов между орбитами Марса и Юпитера, два на спутниках Юпитера и

Сатурна, точнее, они и были этими спутниками, неотличимыми от каменистых тел Солнечной системы, и один на Луне, под кратером Тимей. Как оказалось, астероид, врезавшийся в край более древнего кратера Бонд У сто миллионов лет назад, случайно породил трещину в дне Бонда У, обнажившую пещеру, ведущую в глубь Луны, а в полости на глубине трёхсот метров и пряталась база.

Обо всём этом Вересов получил представление спустя сутки после возвращения «блудного» Вестника с Ломакиным и Елизаветой Клод-Сантуш на борту. А ещё через сутки Головин передал ему приказ захватить «Космогеологию», не допустив ни разрушения базы, ни использования её оружия военспецами ЧВК.

Сначала планировали использовать для этой цели «вселенолёт» Вестника, технологически более совершенный, чем любой космолёт землян. Но впоследствии от этого варианта отказались. «Вселенолёт» был слишком велик для такого дела, а вокруг Луны сновали тысячи автоматических станций и пилотируемых аппаратов, что не давало ему возможности маневрировать свободно. Какой-нибудь из спутников мог наткнуться на него, пусть и не видимого никому, и Вестник был бы обнаружен.

В десять часов утра тринадцатого января группа Вересова взошла на борт грузолёта «Днипро», известного всей Солнечной системе как независимый транспортировщик оружия.

Специалисты Коскора и Главного космического разведуправления России (ГКРУ) провели огромную предварительную работу, захватив капитана космического грузовика Петро Бережко и запрограммировав его на выполнение важной операции по доставке спецгруза в кратер Тимей, на базу ЧВК «Космогеология».

«Днипро» и в самом деле собирался перевезти партию вакуумных дронов с завода «Фирташ» на орбите Земли, но днём позже. Чтобы выловить эту информацию, контрразведчикам Коскора пришлось пролюстрировать почту сотен тысяч военных серверов и выйти на заказчиков завода, после чего и началась предоперационная суета. Лучший вариант для проведения операции по захвату «Космогеологии» трудно было придумать.

На высоте десяти километров над поверхностью Луны над центральной консолью управления грузолёта зажглось ожерелье красных огней. Из динамика связи послышался густой хрипловатый мужской голос; говорили по-украински:

– Агов труна з музыкаю над кратером, когось чорт несе?

Вересов, находившийся в транспортном отсеке корабля, но видевший всё по общей линии интеркома, вскинул вверх кулак, обращаясь к капитану, чья красная физиономия виднелась в боковом зеркале связи.

Бережко, получивший надёжную программу действий, рассчитанную на все случаи жизни, проворчал, не включая визуального канала:

– Мирон, ты, чи що? Зараз шарахну торпедою, видразу своїх визнаеш!

– Тю! – удивился неведомый оператор контроля космопорта Тимея. – Петро? Ты ж повинен бути завтра ввечорі.

– Эту партию дронов хотять отдать новым исламидам, я подсуетился и везу вам. Отримай периметр.

– Це надо провентилировать з командиром.

– Вентилируй, поки я буду садитися. Только побыстрей вертухайся, над нами полиция висить.

Послышались смешки экипажа «Днипра», расположившегося в ложементах в рубке управления. Корабль был стар как легенда о «великом укре Бандере, боровшемся за щастя народа», её корни уходили ещё в двадцатый век. Сам же космолёт строили в городе Днепре, отчего он и получил имя «Днипро». Но двигатели на нём на антигравитационной тяге стояли новые, предоставленные китайским космическим концерном «Вейда ди тупо», и неуклюжий с виду пятидесятилетний челнок вполне отвечал своей роли грузоперевозчика.

Перед опускающимся космолётом зажглись жёлтые вертикальные огни, стекающие сверху вниз. Повинуясь указателям финишного комплекса, компьютер корабля сориентировался и плавно опустил плоскую корму на поле космодрома, представлявшее собой слегка пригlaженное и очищенное от камней дно кратера Тимей.

Из стоявшего рядом купола технокорпуса базы выдвинулся к «утюгу» грузолёта гофрированный рукав приёмно-посадочного комплекса.

– Напряглись! – подал команду Вересов.

Бойцы группы заняли места согласно плану операции. Все они были экипированы в «кокосы», замаскированные под обычный космический камуфляж, а капитан Мишин даже сменил маску и теперь представлял собой копию старпома «Днипра» американца Ника Хейли. Вместе с Вересовым, также накинувшим голографическую копию Петро Бережко, они встали у люка в небрежных позах «космических волков», исколесивших чуть ли не всю Вселенную. За их спинами застыли рукастые, похожие на помесь паука и кенгуру, фозмы, вооружённые восемнадцатыми «Терминаторами». Роботы тоже были замаскированы под разгрузочные механизмы и не должны были вызвать у встречающих никаких подозрений.

Люк с шипением подскочил вверх, открывая прямоугольное отверстие шлюза. На пороге выросли две человеческие фигуры в коричнево-пятнистых униках класса «хамелеон», на плечах которых крепились турели с «универсалами». Одна эта экипировка говорила о том, что снабжалась база ЧВК на уровне спецподразделений регулярных войск крупнейших государств и что её подкармливали деньгами и снабжали новейшей техникой не для добычи полезных ископаемых. Да и киберохрана за спинами встречающих – трёхметровая громада с растопыренными лапами-манипуляторами и четырьмя стволами над плечами и за спиной подтверждала вывод Вересова: это был бот американского производства «Веган», имеющий на вооружении лазер, плазмер и вакуумные гранаты.

Первым в транспортный отсек шагнул высокий и худой мужчина с бугристым лицом и широкими скулами. Рыжеватый. Это был главный босс комплекса разгрузки англичанин Стив Тэтчер. Его сопровождал капрал охраны базы Якуб Тимошенко, бочкообразный здоровяк с оплывшим лицом человека, проглотившего скорпиона.

Вересов невольно вспомнил свою виртуальную схватку в последнем чемпионате мира по киберспорту, ещё перед отлётом к планете Нимфа, когда в его задачу входила ликвидация базы ЧВК на астероиде, согласно сценарию игры собравшейся напасть на правительственный конвой, сопровождавший свидетеля со спутника Юпитера на Землю. Тогда он победил, захватив командира базы и полностью уничтожив весь отряд боевиков. Но то была игра, пусть и неотличимая от реальности. Теперь же ему предстояло повторить операцию абсолютно реально, с риском лишиться жизни, поэтому нельзя было упускать инициативы и действовать надо было архибыстро.

«Товсь!» – отдал мысленную команду Вересов.

Ничего за секунду после этого не произошло, но в ушах рассыпался писк ответов всей боевой системы, участвующей в операции. Бойцы, наблюдатели, технические специалисты, операторы связи, информационных каналов и контроля, командиры страхующих подразделений и капитаны боевых модулей на орбите Луны были готовы к атаке.

«РЭБ!» – скомандовал Вересов.

На территорию «Космогеологии» упала невидимая глыба шумовых радиоимпульсов, подавляющих все виды связи и блокирующих работу электронных устройств. Глыба работала избирательно и в определённом пространственном объёме, не потревожив расположенные неподалёку технические сооружения и городки землян.

Снова мимолётно вспомнилась игровая ситуация на астероиде, когда по сценарию группе Вересова надо было проникнуть внутрь базы и вывести оттуда живым её командира. Нынешняя

ситуация повторяла игровую почти полностью, разве что её финал должен был получиться иным.

– Петро... – начал Стив Тэтчер.

«Атака!»

Мысленный приказ активировал пускатель наноботов, и к обоим встречающим понеслись невидимые «пули» микророботов размером с тысячу атомов, нацеленные на перепрограммирование сознания. В первые миллисекунды они парализовали мышцы тел, затем перехватили управление нервными путями и отключили мыслесферу. За последние миллисекунды наниты сконцентрировали внимание боевиков на приказах «управляющего браузера», то есть Вересова.

– Всё в порядке, – сказал он любезным тоном по-английски. – Мы привезли заказанное. Ведите нас к командиру базы. Быстро! Не обращая внимание на действия персонала. Началась учебная тревога. Пошли!

Оба сотрудника «Космогеологии» тяжеловесно развернулись и потопали в глубь причальной кишки, слегка раскачиваясь на ходу. Сила тяжести на Луне была в шесть раз слабее земной, но на космодроме работал гравитационный компенсатор, и она составляла девять десятых земной.

Не получив никакого приказа, робот охраны остался на месте. Но Вересов мысленно скомандовал: добейте! – и один из роботов-«разгрузчиков» вонзил в корпус «паука-кенгуру» мощный импульс радиоэлектронного подавления, превративший гиганта в застывшую металлическую скульптуру «терминатора».

Прошагали трубу переходника, вышли к тамбуру, в котором суетились мощные парни в коричневом и чёрно-фиолетовом камуфляже. Они были явно растеряны, так как лишились связи, рации их костюмов молчали, а бортовая аппаратура сбоила.

– Стив, скажи им, чтобы собирались в транспортном терминале, – сказал Вересов. – Босс приказал. Есть работа.

Тэтчер, не меняя выражения лица, поймал за руку какого-то громилу, ровным голосом передал распоряжение Вересова.

Мечущиеся по отсеку боевики начали сбиваться в толпу.

– К боссу!

Двойка встречающих направилась по коридору в глубь сооружения. Гости последовали за ними, провожаемые удивлёнными взглядами работников «Космогеологии»: по коридорам базы ещё не бродили роботы-разгрузчики.

Бегущие дорожки в коридорах, в отличие от электронных систем, работали, подчиняясь автономным электрическим контурам. Поэтому до отсека управления, располагавшегося на третьем нижнем горизонте базы, включавшего в себя штаб, компьютерный центр и жилой сектор главарей ЧВК, добрались быстро, всего за пару минут.

Повсюду бегали растерянные люди в коричневых и фиолетовых комбинезонах, по отсекам распространялся шум паники, действовать надо было не задерживаясь ни на секунду, и Вересов включил рацию, не зависимую от ударов любых помех:

– Второму – на раз!

– Готовы! – прилетел в наушник голос капитана Каневского, командующего эшелоном захвата.

Прошли прозрачную перегородку с неработающим сканером, возле которого тоже возились хмурые техники базы. Остановились перед закрытой дверью в центральный блок штаба.

– Входим!

Хейли замялся, покосившись на главу охраны.

– Требуется запрос...

– Мы знаем причину сбоев, можем устранить. Плюс у нас срочное сообщение для командера. Протокол «СОС»!

Бригадир команды разгрузки подсунул голову под глазок сканирующего устройства. По его лицу пробежался синий лучик.

– Полковник Хейли, предъявите допуск, – проговорил мурлыкающий женский голос.

Вересов поймал весёлый взгляд Мишина, говорящий: у них тут все полковники да генералы.

– Протокол «СОС»! – буркнул Хейли. – Доложите командеру Бараку, у нас важное сообщение. Ремонтная группа может устранить сбой.

Клацнуло, будто дверь захлопнула рот. Но открылась она не сразу, выдержав минутную паузу.

– Вперёд! – сказал Вересов.

Вошли.

Командный пункт базы мало чем отличался от центров управления большинством человеческих институтов. Зал КП представлял собой купол диаметром около тридцати метров и был заставлен современными комплексами связи и контроля не хуже, чем центры обработки информации и управления крупных силовых структур.

Посреди зала стоял сложный сетчато-модульный агрегат визар-системы, опиравшийся на «опухоль» кванка последней модели «Марк-XXI».

За тремя консолями сидели операторы, полускрытые специальными «фартуками» биоуправления. Отдельная консоль с огромным виом-монитором принадлежала командеру базы. Но сам он стоял рядом, наблюдая за манипуляциями молодого курчавого парня в сером унике, занимавшего кресло Барака.

Барак был афроидом с иссиня-чёрной кожей, отчего издали его можно было принять за робота-андроида.

Ещё четверо мужчин возились с пультами, то и дело переключая что-то на корпусе технологического форма, представлявшего, очевидно, устройство для проверки цепей компьютера.

Барак обернулся. Фосфорно-белые глаза его раскрылись, потом сузились, на чёрно-эбеном лице прорезалась красная черта рта. Он явно не ожидал увидеть в своих владениях незнакомых людей.

– Стив, в чём дело? Кто это?

Вересов вышел вперёд:

– Я спецпредставитель мистера Чауна. Коммандер, у меня для вас срочное послание мистера Чауна, извольте взять пакет.

Он протянул Бараку чёрную спиральку с мигающей в центре красной искрой.

Коммандер посмотрел на неё, не торопясь брать в руки.

– Мистер Чаун... меня не предупреждал...

– Изменились обстоятельства, сэр.

«Мистером Чауном» называли опекуна ЧВК, начальника отдела специальных консульских операций Госдепа США. Эту информацию выдали Вересову контрразведчики Коскора.

Слова Вересова произвели нужное впечатление.

Поколебавшись, коммандер взял флеш-баг.

Это его и погубило. Заряд нанитов перетёк со спиральки на пальцы негра, и через несколько мгновений он забыл, кто он и что здесь делает.

– Объявите общий сбор персонала! – вонзил Вересов ему в уши звуковой «шар», не слышный больше никому. – В транспортном отсеке!

– Электроника... вышла... из строя... – деревянно выговорил Барак.

– Линия интеркома сохранилась. Объявляй!

Барак подошёл к креслу, буркнул оператору, пытавшемуся восстановить интерфейс кванка:

- Включи... матюгальник...
- Линия в раздразе, – огрызнулся курчавый.
- Включай!
- Долбить-молотить! Говорю же...

Вересов шагнул вперёд, одним рывком выбросил оператора из кресла (остальные ошалело проводили его взглядами), пробежался пальцами по клавиатуре; он хорошо разбирался в айти-технике.

- Готово, босс! Протокол «Рой»!

Барак уткнул нос в сетчатое крылышко микрофона.

– Внимание! Говорит командер! Протокол «Рой»! Всем собраться в транспортном отсеке!

- Немедленно!
- Немедленно! – послушно повторил Барак.

– Это касается и вас, – повернул голову к застывшим операторам Вересов. – Ноги в руки и бегом!

– Но, босс... – растерянно возмутился курчавый. – Мы не закончили! Полетели все периферийки...

Мишин развернул парня спиной к себе, поддал коленом под зад.

- Быстро вверх, в терминал! Повторять не буду!

Оператор сглотнул, оглянулся на товарищей.

Турель «универсала» на плече главного охранника базы повернулась к ним.

Этого оказалось достаточно.

Техники, толкаясь, гурьбой бросились из зала.

– Второй – пошёл! – скомандовал Вересов группе Каневского, которая должна была обезвредить охрану базы и запереть весь персонал в транспортном терминале, после чего начиналась третья фаза операции – сдача боевиков в руки органов правосудия.

- Сюда надо парочку наших технарей, – сказал Мишин.

Вересов снова вызвал Каневского:

- Второй, двоих технарей в пост! Под охраной фозма!

- Сейчас отправлю, – пообещал капитан.

– А теперь веди нас в бункер, – приказал Вересов Бараку, лицо которого блестело, словно покрытое слоем жира. – К артефакту! Быстро!

Командер вздрогнул, сверкнув фосфорными белками глаз.

Какое-то мгновение Вересову казалось, что главарь базы очнётся и начнёт сопротивляться. Но этого не произошло. Наниты, перекрывшие ему нервные каналы мозговых структур, отвечающих за проявление самостоятельности и воли, отбили атаку сознания.

Выбрались из зала центрального поста.

Увидев двух роботов-разгрузчиков, Барак приостановился, но Вересов подтолкнул его в спину.

- Всё хорошо, это охрана.

Торопливо выскакивающие из помещений базы боевики опасливо косились на делегацию, во главе которой шествовал командер, но задавать вопросы не решались, хотя приказ подняться в транспортный отсек многих удивил. Это было видно по взглядам, которые ловил Вересов.

Дошли до небольшого зальчика прямоугольной формы, в котором стояли разнообразные механизмы и аппараты, в том числе катера разных классов и роботы охраны. Из помещения уходил вдаль широкий коридор, освещённый оранжевыми квадратами. Коридор был отде-

лён от помещения толстой прозрачной плитой, оборудованной сложным механизмом ворот. Ворота были закрыты. С двух сторон от них высились громады «кенгуру-пауков», вооружённых плазме́рами и вакуумными гранатомётами. Кроме роботов ворота охраняли ещё и четверо боевиков в чёрно-синих спецкомбинезонах, тоже вооружённые до зубов.

– Слава, отвлеки! – сказал Вересов.

Мишин наклонился к уху пузана Тимошенко.

Начальник охраны выслушал его, выпучил глаза.

– Вы почему не в транспортном отсеке?!

Боевики завертели головами, закрытыми шлемами, переглядываясь меж собой, бросая взгляды то на молчавшего Барака, то на главного охранника. Один из них откинул забрало, показалось смуглое усатое лицо.

– Якуб...

Тимошенко грузно шагнул вперёд.

– Полковник Тимошенко!

Глаза усача стали круглыми.

– Якуб, ты що, с глузду зыхав?! Ты ж сам давав поручення поста не покидати...

– Мовчати! Выконуйте приказ босса! Всем – пулей у транспортний отсек!

Смуглолицый отшатнулся, глянул на Вересова, продолжавшего играть роль капитана грузолёта, потом на Барака, буквально истекавшего потом, и ему что-то не понравилось в поведении командиров базы. Он сделал шаг назад, вскинул кулак.

– Никого не впустимо! Геть отседа! Босс, поясните, що происходит?

Троица охранников за его спиной навела на сопровождавших Барака мужчин стволы «универсалов».

– Кхе... – выдавил из себя Барак.

Вересов понял, что настал момент истины, как говорят в таких случаях, и что надежда закончить операцию без стрельбы не удастся.

Он раскинул руки, показывая, что безоружен.

– База захвачена! Жить хотите?

Несколько мгновений охранники тоннеля переваривали сказанное, явно находясь в шоке. Потом усач прокаркал:

– Лечь на пол! Руки за голову!

– Не хотят, – проворчал Мишин.

6

Копун оказался не просто коллектором информации, он даже пытался обсуждать полученные новые для него знания с пассажирами, проявляя чуть ли не человеческое любопытство. Хотя многое в жизни людей он не понимал принципиально. В том смысле, что в его программу, несмотря на всю её сложность, не были вложены такие категории морали и этики, как ложь и обман, трусость и подлость, злоба и предательство. И при этом он являлся настоящей «машинной судного дня», предназначенной запустить системы уничтожения для ответного удара по агрессору.

Так, перехватывая разговоры десятков миллионов людей по всей Солнечной системе, он узнал, что на Земле сформирован бесполезный класс, но не понял, что это такое. Иван начал было объяснять компьютеру сложившуюся ситуацию на пальцах, но его перебила Елизавета:

– Подожди, дай попробую я.

– Легко, – согласился он, – ты учила философию, я нет.

Елизавета начала издалека: что человек сам не знает, кто он есть, зато отлично изучил свои потребности, среди которых главными были и остаются власть, еда и секс. Что ради удо-

влетворения этих потребностей он и ходит на работу либо собирается в бунтующие стаи, живущие по парадигме «отнять и разделить». Но к середине двадцать первого века искусственный машинный интеллект достиг такого развития, что его применение и роботизация производственных процессов почти полностью отменили физический труд, и миллионам людей пришлось столкнуться с проблемой ненужности, влекущей за собой проблему выживания. Так и образовался третий – бесполезный класс, по сути – каста, отброшенная цивилизацией. К началу двадцать второго столетия богатые, владеющие передовыми технологиями и методами улучшения тела, действительно стали талантливее и умнее бедняков. После чего началась эра «атомарного дробления» человечества на мелкие общины и, как следствие, эра войн за ресурсы.

– Не везде, – прервал Елизавету Иван. – В России первыми в мире стали платить БЕНЕФИС.

– Да, здесь мы нашли гуманистический выход, в отличие от других государств. Но и мы не избежали ВИРСа.

– Что такое ВИРС? – поинтересовался Копун; для удобства общения с землянами он создал объёмный голографический пузырь в форме человека, принявший облик четырнадцатилетнего мальчишки, хотя мог беседовать с ними и мысленно.

– ВИРС – аббревиатура слов «виртуальный исход», – сказал Иван.

– Большинство не занятых ничем людей, – добавила Елизавета, – уходят в компьютерные игры, создают виртуальные миры и буквально живут в них.

– А что такое БЕНЕФИС?

– Безусловно необходимое физическое содержание. Государства выплачивают населению пособие, определённую сумму кредитов, чтобы оно сводило концы с концами. В одних странах БЕНЕФИС выше, в других ниже, а есть и такие, где не платят.

– В странах мусульманского пояса, – сказал Иван. – Да и в объединённой под знаменем Халифата Европе такие есть, Греция, к примеру, Босния, Украина.

– Как же люди выживают? – наивно удивился «мальчишка».

Иван и Елизавета переглянулись.

– Это одни из самых неблагополучных стран на планете, – сказала женщина виноватым тоном. – Вместе с Сатанинскими Штатами Америки и Канадским Шариатом. Большинство их населения торчит в зоне ВИРС, остальные организуют независимые улусы, в том числе частные военные компании, которые потом используются всеми, кто пожелает отнять что-то у конкурентов силой.

– Да, теперь я вижу, что не ошибся, – ответил Копун с вполне человеческой иронией.

– В чём? – не понял Иван.

– В том, что вы дальние, но потомки моих создателей, мастеров когнитивного диссонанса. Они мало чем отличались от вас по поведению, люди повторяют их путь.

– Не все люди на Земле являются потомками твоих создателей, – проворчал Иван. – К примеру, восточные народы – потомки драконилов. Да и африканцы, скорее всего, потомки змей.

– Посохин поспорил бы с тобой, – улыбнулась Елизавета.

– А ты?

– У меня тоже есть собственное мнение, но спорить не хочу. Что будем делать, шеф?

Иван махнул рукой Копуну, и «мальчишка» исчез.

– Пока не разберёмся с Куртом, будем вести инкогнито-жизнь. Или ты хочешь на Землю?

– Нет! – испугалась она. – Без тебя – никуда!

Он потянулся к ней...

На второй день после выхода на связь с Бугровым и руководителями Коскора «вселенолёт» принялся обследовать Солнечную систему на предмет нахождения в ней нимфанского

Вестника с Куртом на борту. Однако поиски «мурекса» оказались безрезультатными. То ли Вестник Курта ещё не добрался до Солнца, то ли прятался так искусно, что даже аппаратура Копуна не могла его обнаружить.

Зато удалось установить точные координаты древних баз, так и оставшихся не при деле во время нападения неведомых врагов на цивилизацию Марса. Видимо, атака была так внезапна и мощна, что владыки Марса не успели привести в действие своё грозное оружие, способное поражать цели – по словам Копуна – аж по всей галактике Млечный Путь и даже за её пределами. Одну из дальних баз, прячущихся в теле спутника Юпитера Лепетей диаметром около пятнадцати километров, Копун проверил: она была законсервирована и, скорее всего, уже не могла быть активирована. Остальные были в рабочем состоянии, в том числе база на Луне, под кратером Тимей.

– И все они имеют такое же оружие? – спросил Иван, спину которого охватил озноб: он вдруг представил, что может произойти, если оружием завладеет Курт.

– Все цивилизации, принимавшие участие в войне, – ответил Копун, – имели такое оружие, хотя и разное в смысле принципов реализации.

– Что это были за принципы?

– Фазовая перестройка вакуума, компактификация, нейтрализация материи, аннигиляция вакуума и тому подобное.

– Круто! Компактификация – это...

– Свёртка любого материального объекта в чёрную дыру.

– Круто! – повторил Иван. – Значит, и по Марсу ударили компактификатором?

– У меня не сохранилось информации о конкретном средстве, уничтожившем жизнь в Солнечной системе. Но это был не компактификатор. Удар был нанесен, скорее всего, тактическим комплексом.

– Объясни.

– Стратегические – дальнедействующие комплексы, сворачивающие или разворачивающие дополнительные измерения или разрывающие вакуум, использовались в крупных сражениях – галактика на галактику. После нанесения удара звёзды взрывались, превращались либо в сверхновые, либо в чёрные дыры, а ядра галактик – в квазары³. Ваши астрономы открыли много таких следов войны. Тактическое же оружие применялось при точечных акциях, когда надо было уничтожить только саму разумную систему, не затрагивая соседние миры.

– То есть уничтожили только марсиан, так? Но зачем оставили планету? Пожелели?

– Был разрушен Фэтон, как вы называли планету, орбита которой лежала между орбитами Марса и Юпитера. Теперь там пояс астероидов. Это была основная военная база марсиан. А сам Марс не взорвали только потому, что не хотели разрушить вашу родину, Землю, водный мир, комфортный во всех отношениях. Насколько мне известно, с его обитателями экспериментировали многие галакты, оставив следы в виде генетических изменений земных существ, но после войны никто из них на Землю не вернулся.

– Кроме твоих создателей.

– Но и они не смогли потом вернуться сюда.

– Блеск! – выдохнул покрасневшийся Иван, глянув на спутницу. – Как всё было необычно... Но если я потомок создателей Копуна, то кто твои предки?

– Это имеет значение? – слабо улыбнулась Елизавета.

– Нет, – сознался он, привлекая женщину к себе. – К чёрту предков! Мы всё равно другие, раз родом из России.

Они обнялись...

³ Квазары – квазизвёздные объекты с высокой светимостью.

В тот день Иван впервые после прощания в системе Нимфы поговорил с капитаном Бугровым, используя возможности системы связи Вестника. Система вряд ли использовала радиодиапазон и вообще электромагнитное излучение, включая свет, потому что не приходилось задавать вопросы и ждать ответа несколько секунд, а то и минут, пока радиоволны добегают до абонента и обратно, если принять во внимание расстояния, разделявшие «вселенолёт» и крейсер «Дерзкий» в момент сеанса связи.

Когда Иван заинтересовался принципами работы рации «вселенолёта», Копун ответил простодушно:

– В человеческом языке нет понятий, которыми я смог бы оперировать, объясняя эти принципы.

Иван не обиделся.

– Ну, хотя бы приблизительно, в двух словах.

– В двух словах могу сказать, что мои системы работают на использовании иной метрики, не евклидовой. Вас это устроит?

– Вполне, – засмеялся молодой человек, – я и так подозревал, что ваши технологии оперируют другими измерениями, четвёртым там или пятым.

– Одиннадцатым, – серьёзно ответил Копун.

– Удивительно! – сказала Елизавета.

– Да уж, технологии будь здоров! – подхватил Иван.

– Я о другом: они все владели высочайшими технологиями, способны были гасить и взрывать звёзды, но в моральном плане совсем даже не превосходили людей. Уничтожали друг друга безжалостно, не считаясь ни с чем! Точно так же, как и мы.

Иван крикнул.

– Мы всё же не так свирепы.

– Туда же идём, разве не так? Великие наши мыслители были правы, утверждая, что далеко не всегда владение высокими технологиями сопровождается высокой моралью. Может быть, как раз наоборот.

– Спорить не буду... но Копуна создали наши предки...

– Ну и что?

– А он в отличие от нимфанского Вестника совсем не агрессивен, несмотря на свои функциональные обязанности командного пункта. Уверен, что не все разумы, участвовавшие в прошлой войне, были злобными и чёрными, были и светлые.

– Пока что мы в космосе больше встречаем злобных или в крайнем случае равнодушных.

– Когда-нибудь встретим и нормальных.

Елизавета улыбнулась.

– Блажен, кто верует. Кстати, в ксенологических институтах и академиях нас больше готовили к контактам именно с агрессивными формами разума, с мирами иной логики, построенной на пренебрежении к жизни, на равнодушии к соседям и насилию, на отрицании божественной этики, ориентирами которой являются добро, правда и справедливость.

Иван пожал плечами, не зная, что сказать.

– Твоими учителями были люди, чьи предки люто ненавидели конкурентов, а от генетики не уйдёшь, она диктует поведение потомков. Я не прав?

– Философ, – стала задумчивой Елизавета. – Ты не ответил на вопрос: что будем делать дальше?

– Ждать Курта. – Иван подумал. – Нет, проверим другие базы, в каком они состоянии, можно ли их активировать. А пока я свяжусь с Бугровым, узнаю планы наших безопасников. Копун, будь добр, обеспечь связь с «Дерзким».

Вестник почему-то на этот раз не стал формировать видеофантом мальчишки, ответил мысленно:

«Я не смогу быть вам полезным долго, земляне».

Иван встретил вопросительный взгляд Елизаветы, получившей то же сообщение.

– Мы договаривались...

«Я помню, но прошу побыстрее решить ваши проблемы. Мне нужно отправляться в путь».

– Да, конечно... то есть в какой путь? – спохватился Иван.

«А это уже мои проблемы».

– Но мы не можем бросить людей на произвол судьбы! Появится Курт, и произойдёт катастрофа!

«Это ваши проблемы».

– Но ты же не такой! Ты же помогал нам! Подожди ещё немного.

«Прошу определить срок моего нахождения в Солнечной системе».

– Всё зависит от времени появления Курта... ладно, я понял, обсужу твою просьбу с начальством. Обещаю долго тебя не задерживать. Соедини меня с «Дерзким».

«Разговаривайте».

В центре комнаты, между сидящими людьми возникло искрящееся облачко, приобрело человеческие очертания. Какое-то время тело видеофантома плыло и колебалось, как мыльный пузырь, потом неясное передёргивающееся лицо человека перестало корчиться, и голова обрела черты капитана Бугрова.

Иван невольно поднялся с диванчика.

– Виталий Семёнович...

По-видимому, Бугров тоже увидел Ломакина, потому что губы его расплылись в подобии улыбки. И хотя они сразу стали каменными складками, было видно, что он рад видеть и слышать своего оператора.

– Ломакин. Хорошо, что ты позвонил.

Иван фыркнул.

– Ну, это вряд ли можно назвать звонком по мобиле, – подтянулся под взглядом капитана. – Эти ребята с Толкина знали толк в технологиях серьёзнее, чем мы. Что новенького, командир?

– Вересов нырнул на Луну брать базу ЧВК в Тимее.

– Не понял, один, что ли?

– С группой, конечно. Операция просчитывалась второпях, надо было учесть множество факторов, поэтому возможны накладки и сюрпризы. По плану он должен был выйти на связь полчаса назад, но не вышел, и это меня беспокоит. Крейсер не задействован в операции, и мы не можем ничем помочь. Может, вам удастся по-хитрому связаться с полковником? Узнать, что происходит?

Иван перестал улыбаться.

– Понял вас, попробуем по-хитрому, ждите. – Иван мысленно вызвал Вестника: «Копун, мы можем установить канал связи непосредственно с полковником? Он сейчас с группой...»

«Я понял, минуту».

Молчание Вестника действительно длилось минуту. Наконец он заговорил:

«Ваш коллега находится на нижнем уровне базы «Космогеология», перед тоннелем, ведущим к базе с оружием древних марсиан. Но ситуация неоднозначная, он может погибнуть».

– Можешь дать картинку места действия?

«Легко».

– Давай!

Перед глазами Ломакина протаяла тёмная дыра, нырнула вниз, вышла в какое-то помещение с ребристыми стенами и прозрачной перегородкой. По помещению бродили неясные

фигуры, отбрасывающие неяркие блики, словно их костюмы были усеяны жемчужными россыпями.

Иван напряг зрение, но только ухудшил получаемое изображение: комната почти скрылась в облаке искр.

«Терпение, землянин», – прилетел в голову мыслешёпот Копуна.

Искры опали, комната перед глазами обрела чёткие очертания, стали видны люди в разного цвета спецкостюмах и роботы, наполнявшие помещение. Вересова среди них не было, во всяком случае, Иван его не узнал, но Вестник уловил его сомнения, и один из мужчин в центре зала оделся в шубу искр.

«Полковник Вересов».

«На нём маска!» – догадался Иван, сообразив, что Копун знает полковника Коскора, поскольку общался с ним не раз, и видит его истинный облик.

В помещении кроме Вересова находились ещё семеро мужчин. Один оказался напарником полковника («Капитан Мишин», – подсказал Копун), двое представляли местное начальство в лице командера Барака и главного охранника, ещё четверо осуществляли охрану тоннеля. Кроме того, дверь в тоннель охраняли фозмы, угрожающе растопырив манипуляторы и направив на пару сотрудников Коскора разнообразные стволы.

– Чёрт! – выдохнул Иван.

– Им надо помочь! – охнула Елизавета.

– Копун, сделай что-нибудь!

«Что?»

– Ну-у... заблокируй, что ли... парализуй... убей, в конце концов!

– Ваня! – перешла на шёпот Елизавета.

– Что Ваня? Их сейчас укокошат!

«Без паники, земляне», – детским голоском отозвался Вестник.

7

Вересов понял, что жизнь висит на волоске, и его, и Мишина. У них на двоих были два лазера, два «универсала», вшитые в скафандры, и два наногона, выстреливающие «пули» с нанороботами. Всё это, вместе взятое, при удачном стечении обстоятельств в залпе могло нейтрализовать от силы пять-шесть человек, причём без особой гарантии, что противник не ответит. Но кроме живых охранников тоннеля в зале тамбура присутствовали и боевые роботы, с которыми едва ли мог справиться фозм, сопровождавший отряд. А на решение – сопротивляться или нет – оставались какие-то жалкие секунды.

«Ствол в висок этому придурку! – послышался голос Мишина, имевшего в виду командира базы. – Пригрозим снести башку!»

«Вряд ли они поведутся. Охранники – укры-ультрасеки, им плевать на партнёров, тем более что командер – негр».

«Тогда дым и залп!»

Он имел в виду активацию дымовой завесы.

Медлить дальше было нельзя, бойцы группы ещё только добирались до нижних уровней базы, и Вересов принял решение.

«Падаем в дым! Ты берёшь пару слева, я справа! Телохран – фозмов! На счёт три!»

«Понял».

– Сохраняйте спокойствие, капрал, – брюзгливо проговорил Барак подсказанную Вересовым фразу. – Эти люди – инспекторы мистера Чауна. Открывайте ворота.

– Лечь! – снова заорал смуглолицый усач, закрывая забралю шлема. – Считаю до трёх!

Ствол «универсала» глянул в лоб Вересову.

Было видно, что усач на взводе и вот-вот сорвётся.

«Наркота безбашенная!» – проворчал Мишин.

«Раз, два...» – слово «три» выговорить Вересову не дали.

Внезапно что-то произошло.

Вересов почувствовал странную мгновенную дурноту, едва не погасившую сознание. Мишин выругался сквозь зубы.

В зале повеяло холодом. Роботы охраны внезапно опустили манипуляторы, индикаторы на их мощных «гладиаторских» доспехах погасли.

Перестали двигаться и охранники. Затем попадали один за другим на пол, как тряпичные куклы. Упали и Барак со своим охранником.

– Что происходит? – изумился Мишин.

– Кажется, я догадываюсь... Иван, ты?

Напротив возникло колышущееся облачко цветных искр, за несколько мгновений пертерпело множественную трансформацию и превратилось в подобие призрачной человеческой фигуры с зыбким светящимся лицом, напоминающим лицо Ломакина.

В ушах раздался его характерный говор:

«Мы это, Даль Данилович, я и Копун. Что у вас происходит?»

– Как вам удалось парализовать этих парней?

«Вас это удивляет? – Лицо видеофантома передёрнула судорога усмешки. – Меня нет. Копун – далёкое будущее наших технологий, если мы, конечно, доживём до этого будущего. Командуйте, что нам делать дальше?»

– Надо помочь нашим! – быстро проговорил Мишин. – Боевиков здесь больше сотни, если начнётся заваруха, возможны потери!

– Второй, – включил рацию в аудиорежиме Вересов, вызывая Каневского, – что у вас?

– Почти порядок, – доложил капитан. – Основная масса ублюдков заперта в транспортном отсеке, скоро начнём упаковывать в спецтранспорт. Несколько боевиков проявили строптивость и заперлись по отсекам, мы их выкуриваем. Потерь нет.

– Добро, заканчивайте, мы идём дальше. Пришли мне пару ребят на нижний уровень.

– Выполняю!

Вересов кивнул на лежащих начальников «Космогеологии».

– Иван, нам нужен проводник.

«Кто из них?»

– Пусть идёт этот пузан, – указал Мишин на начальника охраны. – Всё же славянин, по-нашему балакает.

«Сейчас приведём его в чувство, – пообещал Ломакин, – потерпите».

Новая волна холода прошла по отсеку тамбура.

Голову Вересова пробила струя свежести, будто он вдохнул нашатыря.

– Ух ты, как свежо! – поёжился Мишин.

«Прошу прощения, – сказал видеофантом, но уже не голосом оператора, а своим, мальчишеским. – Трудно добиться нужной избирательности на таком расстоянии».

Толстяк Тимошенко зашевелился, ёрзая руками по полу.

Мишин подошёл к нему, оглянулся на фозма.

– Помоги.

Робот скользнул к нему, растопыривая лапы.

Вдвоём они подняли главного охранника ЧВК, и фозм взял его манипуляторами под мышки.

– Держи его так. – Вересов шагнул ближе. – Идти можешь?

Пузан моргнул; у него были пороссячьи ресницы соломенного цвета.

– Не слышу!

– Чево надо?

– Веди нас к артефакту. Будешь выполнять команды – останешься жить.

– Не понимаю...

– Всё ты понимаешь, веди, если хочешь жить. Не имеет смысла тратить на тебя нанитную «пулю», да и тебя жалко: второй парализующий укол ты не выдержишь. Вперёд!

Глаза Тимошенко вспыхнули угрозой, но вид лежащих на полу охранников и командера подействовал на него как холодный душ. Жёлтые шакальи глаза погасли.

– Отпустите...

– Открывай ворота. Артефакт охраняется?

– Силовая завеса и пост.

– Сколько человек?

– Четверо.

– Сколько всего народу работает на самом объекте?

– Почти два десятка: технари, яйцеголовые, obsлyгa.

– Шевелись!

Тимошенко косо глянул на роботов охраны.

Вересов понял, о чём он подумал, ласково подтянул пузана к себе, заглянул в его мутные глазки.

– Мечтать не вредно, но не стоит надеяться на этих дуболомов, незалежность они не обеспечат. А вот твоя шкура может сильно пострадать, вплоть до летального исхода.

В зал вбежали двое рослых парней в боевых «ратниках». Один откинул забрало шлема.

– Лейтенант Староверов прибыл для...

– Не спускайте с него глаз, лейтенант, – перебил его Вересов. – При малейшей попытке устроить майдан разрешаю стрелять на поражение.

– Слушаюсь!

Вересов подтолкнул главного охранника к воротам.

Сверкнув глазами, тот просеменил до автомата отпирания, прижал ладонь к синему окошечку.

Кажущаяся сплошной прозрачная плита двери треснула пополам, створки разъехались в противоположные стороны. Пахнуло холодом, запахами жжёного камня и пластика. Тоннель был заполнен воздухом, а проложенные вдоль стен по полу решётчатые короба обогревали его до приемлемой температуры.

– Далеко идти?

Тимошенко, не отвечая, шагнул в тоннель. За ним тенью последовал лейтенант, ствол «универсала» которого бдительно следил за пленником.

Слева в стене тоннеля поднялась вверх створка замаскированных ворот, открывая вход в помещение, напоминающее транспортный терминал. Вспыхнул свет, выхватывая из темноты две платформы и стоящие на них аппараты: два катера класса «БМВ», грузовик «КамАЗ» и пассажирский гравибус на двадцать человек. Его и выгнал в тоннель глава охраны.

Забрались в гравибус почти все: Вересов, Мишин, Тимошенко, лейтенант. Напарник лейтенанта хотел было тоже присоединиться к компании, но Вересов приказал ему остаться.

– Посторожи бессознательных, не дай бог, очнутся. Сообщи капитану, чтобы забрали и этих.

Боец второй группы вернулся в тамбур.

Тимошенко занял место пилота.

Гравибус тронулся с места и скользнул в глубь тоннеля.

– Иван, ты здесь? – позвал Вересов, не видя фантома.

«Мы вас сопровождаем, – прозвучал в голове мыслеголос Ломакина. – Проверили базу, вас не ждут, всё тихо».

– Сможете обезвредить охрану?

«Уже обезвредили».

– Благодарю! – Вересов ткнул рукой вперёд. – побыстрей!

Зыркнувший на него Тимошенко промолчал, но гравибус увеличил скорость.

Длина тоннеля не превышала километра.

Впереди сверкнул блик, и перед аппаратом выросла прозрачная стена с бегающими по ней спиральками и хвостиками синих молний. Слева и справа стену охватывали мощные металлические контрфорсы, и Вересов мимолётно подумал, что без помощи Вестника одолеть это препятствие, даже имея в распоряжении плазмеры и вакуумные гранаты, было бы непросто.

Прозрачная пластина оказалась силовым полем. Стоило гравибусу подъехать, как она внезапно исчезла, и аппарат беспрепятственно промчался мимо, пронзив слой озона. Ещё через полсотни метров впереди показалась вторая стена, на сей раз непрозрачная, гофрированная, украшенная штангами. С двух сторон тоннеля в этом месте стояли врезанные в стены прозрачные будки, у которых застыли роботы охраны – два многоруких «кенгуру-паука». Живые охранники тоже присутствовали, по двое с каждой стороны, но все они лежали на полу у ног своих механических слуг.

Пузан Тимошенко буквально сдулся, как проколотый воздушный шарик. По-видимому, он надеялся на неуязвимость форпоста и рассчитывал с помощью охранников расправиться с конвоирами.

– Открывай! – ткнул ему в спину указательным пальцем Мишин.

Стена перед аппаратом разошлась шестью зубьями, убравшимися в массивные стойки. В глаза ударил яркий жёлтый свет. Гравибус проскочил ворота, и перед пассажирами распахнулась гигантская пещера длиной не меньше километра и шириной метров в двести. Купол пещеры, ничем не поддерживаемый, заполненный туманной дымкой, уходил вверх не менее чем на сто метров.

Но зрителей потрясли не размеры пещеры.

В центре полости простиралось некое сложное сооружение грязно-зелёного цвета, формой напоминавшее динозавра, «голова» которого с раскрытой «пастью» смотрела прямо на вход тоннеля.

Лишь потом стали заметны машины, горы контейнеров, баки, стрелы подъёмных кранов и снующие между ними фигурки людей.

Двигаться стало легче, и Вересов сообразил, что сила тяжести в пещере поддерживается почти равной лунной.

Гравибус остановился перед тушей робота, уставившегося в потолок стволами оружейных комплексов.

Тимошенко оглянулся.

– Ну, шо дальше?

Вересов очнулся.

– Вызови главного, кто тут командует парадом.

– Каким парадом? – вылутился начальник охраны.

Вересов усмехнулся: потомок «великих укров» явно не читал бессмертного шедевра Ильфа и Петрова «Золотой телёнок».

– Зови бригадира или того, кто руководит археологами.

Тимошенко угрюмо забормотал что-то в панель управления гравибусом.

«Ну, как вам это изделие древних марсиан?» – послышался мыслеголос Ломакина.

– Потрясающе! – искренне сказал Вересов.

«Знаете, что это такое?»

– Откуда? Какой-нибудь излучатель.

«Это сбросер, говоря русским языком. Можно назвать его и деформатором».

– Чем?

«Перед вами генератор деформации пространства, сбрасывает любой материальный объект массой до миллиона тонн на любом расстоянии в другое измерение».

– Какое измерение? – не понял Вересов.

«Копун утверждает – в одиннадцатое. Впрочем, какая разница, куда он что сбрасывает? Главное, этот деформатор-сбросер находится в рабочем состоянии».

– И какого дьявола марсиане проиграли, обладая таким оружием? – осведомился Мишин.

«Удар по Марсу был нанесен внезапно, а марсианский Вестник в тот момент находился на поверхности планеты и был уничтожен вместе со всей инфраструктурой Марса. Ответить марсиане не успели. Кстати, на спутнике Юпитера спрятан ещё один сбросер. Мы проверили, его тоже можно активировать».

Мишин посмотрел на Вересова.

– Представляешь, если бы эти уроды из ЧВК успели запустить эту штуковину?

Вересов представлял.

– На какой стадии идут работы?

– Мы нашли центр управления, – буркнул Тимошенко.

– И?..

– Там защита... положили с десяток техников и полсотни испытателей.

– Испытателей! – фыркнул Мишин. – Боевиков не жалко?

– То есть до управления ещё не добрались? – уточнил Вересов.

– Кванконики вовнутрь з компьютером... скоро разберутся.

– Уже не успеют, – качнул головой Вересов.

Шаг 2

Немцы идут!

1

На фоне огромного кипящего горнила звезды, усеянного факелами, протуберанцами и более тёмными пятнами, медленно нарисовалась сложная интерференционная сеть в форме бабочки. Но вся эта конструкция, гармоничная и совершенная с точки зрения геометрических фрактальных композиций, почему-то вызвала в душе необычный отклик: не восторг, а страх, хотя ничего угрожающего в движении «бабочки» не было. Она вытяяла из пространства и замерла, раскинув изящные «крылышки» размерами в тысячу километров.

Затем поодаль выросла ещё одна «бабочка», и ещё одна, как бы завершая композицию. По их «крылышкам» пробежали извилистые злые молнии. И тотчас же на теле близкой звезды сформировался ослепительный волдырь плазмы, прорвался исполинским рукавом и, превратившись в вихристый луч, прыгнул в космос.

Но спонтанным его путь не был. Миновав три небольших шарика, знаменующие собой планеты, он ударил по четвёртому, и планета оделась в слой пламени, сжигающий всё на её поверхности...

Иван дёрнулся, открыл глаза, глядя в жемчужно светящийся потолок над лежаком.

Звездой было Солнце, а планетой – Марс. Из бездны памяти только что всплыл эпизод войны, промчавшейся по галактике сто пятьдесят миллионов лет назад.

На лоб легла прохладная ладошка.

– Всё хорошо? – прилетел из дальних далей тихий голос Елизаветы.

– Нормально. – Он сел, упёршись кулаками в лежак.

Елизавета протянула ему стакан с горячим напитком, пахнущим травами.

Иван отпил половину.

Голова прояснилась. Погружение в пропасть собственной памяти теперь проходило легко и в любой момент, как только он концентрировал на этом внимание, однако возвращение сопровождалось неприятным головокружением, а то и провалом в дурноту, словно при наступлении невесомости. Избавляться от этих ощущений он пока не научился. Как заявила Елизавета Вересову, когда он только начинал активировать память: ему нужна транскраниальная стимуляция, на что Вересов ответил: ты с ним возишься, ты и отвечаешь за его состояние. Елизавета не возразила.

– Где был?

– Видел, как кто-то нанёс удар по Марсу. – На миг перед глазами возник огненный луч, вонзившийся в планету. Иван передёрнул плечами. – Это было... страшновато! Агрессор инициировал выброс протуберанца из Солнца, который и уничтожил марсиан.

– Ты его видел? Агрессора?

– Нет, видел только антенны в виде бабочек, с помощью которых и был создан протуберанец.

– И марсиане не смогли подготовиться и отбить удар? Ведь скорость протуберанца не очень высокая. Могли бы успеть эвакуировать часть населения.

– Этот протуберанец мчался чуть ли не со скоростью света. Копун, что это было за оружие?

В гостиной жилого блока высветился фантом мальчишки.

– Судя по визуальным эффектам, противник марсиан применил аннигилятор вакуума, создающий тоннели в пространстве. От вашей звезды к Марсу был пробит такой тоннель, по которому плазма верхней оболочки – хромосферы хлынула как вода по проложенному каналу. Всё было рассчитано идеально, поэтому ваши соседи не успели отреагировать. Насколько мне известно, небольшой отряд марсиан успел всё-таки высадиться на вашей планете, но не выжил.

Иван встретил взгляд потрясённой Елизаветы.

– М-да! Вряд ли и человечество смогло бы отреагировать, даже имея современную защиту. А у марсиан были такие аннигиляторы?

– У меня нет подробной информации о марсианах. Но у них были сбросеры, а это оружие помощнее аннигилятора, да и более дальнodelействено. Из него можно уничтожить планету в другой галактике.

– И всё же странно, что марсиане проиграли войну. С кем они воевали?

– Вы не слушаете, я не обладаю большой базой данных о других цивилизациях.

– Извини, дружище, я действительно торможу. Офигенные масштабы! Поневоле забудешь обо всём! Такое оружие не должно попадать в руки психопатов, таких как Курт Шнайдер. Ты уверен, что в нашей Системе всего два рабочих схрона с аннигиляторами? Кстати, не понимаю, как можно аннигилировать вакуум.

– Я просто не нашёл другого термина для обозначения этой технологии. Вакуум бывает нескольких видов, если прибегнуть к терминологии ваших учёных-физиков: физический или истинный, ложный, возбуждённый, вырожденный, инфлюирующий, низкоэнергетический и высокоэнергетический и так далее, но в нём можно прокладывать каналы типа «кротовых нор» или своеобразные трещины, то есть создавать короткое замыкание между разнесёнными на большие расстояния районами космоса. Этим баловались все цивилизации второго уровня, как опять-таки утверждают ваши философы.

– Цивилизации, овладевшие энергией светила. Но ведь сбросеры – ещё более мощное оружие? Неужели марсиане были настолько могучи?

– Возможно, им просто повезло, а может быть, кто-то из соседей по галактике продал им технологию создания сбросеров-аннигиляторов. Что касается других баз в вашей Системе, то сбросеры имеются только на двух объектах – на Луне, где уже работают ваши специалисты...

– Спасибо тебе за помощь!

– И на спутнике Юпитера, – закончил «мальчишка». – На пяти оставшихся базах оружие давно самоликвидировалось.

Иван вспомнил недавнее посещение базы древних марсиан, запрятанной в недрах небольшого по космическим меркам каменного планетоида диаметром всего в одиннадцать километров.

Планетоид, открытый в две тысячи девятнадцатом году и получивший название Тенебрис, что с латинского означает «тёмный» (он действительно очень слабо отражал световые лучи), вращался вокруг Юпитера по орбите радиусом более полутора миллиона километров и был абсолютно неприметен для первопроходцев Солнечной системы. Его лишь один раз облетел автоматический японский зонд – полсотни лет назад, замерил параметры, и Тенебрис на десятки лет выпал из планов космонавтики как объект для изучения.

«Вселенолёт» с компанией Вестник-Иван-Елизавета прибыл к нему в пять часов утра по внутрисолнечному⁴ времени, стараясь не потревожить сеть автоматических станций, изучающих самую большую планету Солнечной системы и мощное облако её спутников. Хватало и обитаемых сооружений, в особенности туристического класса, так как любителей созерцать атмосферу Юпитера или гонять адреналин, совершая к нему экскурсии, было много.

⁴ Единое для всех космических поселений время.

Для того чтобы дистанционно разобраться с защитой марсианской базы и обезопасить подходы к ней, Вестнику понадобилось всего двадцать пять минут.

– Как ты это сделал? – полюбопытствовал Иван.

«У этого форта несложная охрана, – ответил Копун. – Меня снабдили неплохим комплексом волнового мониторинга и вакуумного сканирования».

– Нашим инженерам под силу создать та- кой же?

«Всё, что уже создано, можно скопировать. Но я не уверен, что ваши специалисты поймут принципы работы сканера».

– Ну, ты уж совсем нас за людей не считаешь! – обиделся Иван. – Сбросил бы мне инфу о принципах, я бы передал её учёным.

– Нет! – испуганно возразила Елизавета. – Твой мозг и так перегружен информацией о Вестниках и древних военных базах! А если ты не справишься с новым файлом и сойдёшь с ума?!

– Не сойду, – рассмеялся Иван. – Во-первых, у меня есть ты, во-вторых, Копун, вы не дадите мне шизануться. К тому же я теперь знаю, как инициировать память порционно. Твоя транскраниальная стимуляция сотворила чудо.

– Всё равно лучше сбрасывать файлы в компьютер.

– Посмотрим, я предложил чисто теоретически. Дружище, не будешь против, если мы спустимся к спутнику и осмотрим базу? Интересно всё же, как выглядит ваш сбросер.

«Вам не подойдут транспортные модули моих создателей».

– Мы полетим на своём катере. Он оборудован стелс-системой.

«Я не обязан следовать вашим приказам».

– Это не приказ – просьба. Мы ненадолго, глянем одним глазком и назад.

«Здесь очень много летающей техники, существует риск наткнуться на космический аппарат».

– Главное, чтобы эта техника не обратила внимания на наш камешек. Если бы на его поверхности кто-нибудь колупался, риск был бы велик. Благодарю за понимание.

– Мне почему-то страшно. – призналась Елизавета.

– Не паникуй раньше времени, – обнял он женщину, – никто в Системе не знает, где находятся замаскированные марсианские форты. Обследуем этот, передадим координаты безопасникам и больше не будем связываться с древними войнами.

Он ошибался, но в тот момент совершенно не догадывался об этом.

Натянув «кокосы», Иван и Елизавета заняли кабину «голема».

– Открывай калитку, – нетерпеливо сказал Иван, включая поле стелс-системы.

Блуждать по лабиринтам внутренних конструкций «вселенолёта» не пришлось. Копун сформировал сквозь хитросплетения своих систем прямой коридор к внешней оболочке, и катер «выдуло» наружу усилием силового поля.

Стены «голема» стали прозрачными. Пассажиров обняла бархатная тьма космоса, искрившаяся звёздными россыпями.

Слева выкатился из пустоты голубовато-зелёный шар, видимый с расстояния в полтора миллиона километров как Земля с поверхности Луны. Солнце – крупная белая звезда – повисло справа. Роями мелких и крупных пятнышек объявились спутники Юпитера. Один из них – это был Ганимед, плыл достаточно близко, серо-коричневый, усеянный странными шрамами, напоминающими следы шин старинных автомобилей.

Проявились искорками преимущественно красного цвета и станции вокруг гиганта. По подсчётам Копуна, их было около сотни разного назначения и размера. Самой близкой из них был как раз отель «Аль Хайрат», туристический кампус, принадлежащий Великим Арабским Эмиратам.

Иван сориентировался, бросил катер к угловатой чёрно-серой глыбе камня, прилично обработанного метеоритными атаками, каких в Солнечной системе насчитывалось немало почти у каждой из планет.

– Копун, бери управление на себя, чтобы я зря не терял время на поиски входа.

«Он внизу под вами, в одной из пор».

– Там этих пор как собак нерезаных!

Вестник не стал уточнять смысл сказанного.

Катер стремительно понесло к планетоиду и буквально воткнуло в кратер, сыпь которых покрывала одну из многочисленных граней каменного обломка. Если бы не гравитационный компенсатор, поддерживающий в кабине нормальную земную силу тяжести (на самом деле на одну десятую меньше), пассажиры едва ли ощутили бы восторг от такого принудительного маневра. Иван даже подумал, не обиделся ли Вестник на панибратское отношение к себе, но отказался от этого предположения: толкиновская «машина судного дня» была создана без эмоционального блока и реагировать на изменение ситуаций как человек не могла. Правда, в душе молодого человека всё равно жила крохотная надежда на то, что Вестник относится к нему не как к существу, обладающему слабеньким интеллектом, а как к другу.

Тоннель оказался извилистым и достаточно длинным. Стены у него были гофрированными, с равномерными наплывами, как у резинового шланга, что навело Ивана на мысль об искусственном происхождении коридора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.